

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII в.

М. М. ГРОМЫКО

Для государств, которые на поздней стадии феодальной формации располагали обширными земельными резервами, вопрос о роли колонизации окраин является существенным звеном в изучении генезиса капитализма. На позднем этапе развития русского феодализма осваиваются Дон и Северный Кавказ, Поволжье, Урал и Сибирь.

Территориальный резерв поглощал непосредственных производителей, бежавших от крепостнического гнета или оторванных от средств производства в основной части страны. Этим замедлялось в значительной мере формирование рынка свободных рабочих рук, суживались возможности применения вольнонаемного труда. Распространение населения по обширным пространствам затрудняло экономические связи, тормозило процесс складывания рынка. Класс феодалов, наступая на земледельцев, осваивавших новые территории, закрепощая их (как это было в южных районах Европейской России), укреплял тем самым старые формы производственных отношений. Феодальное государство за счет окраин находило дополнительные возможности для укрепления своего финансового положения (эта сторона особенно касается Сибири). Все это задерживало процесс развития капитализма в стране.

Но были и другие социально-экономические результаты освоения новых территорий, которые способствовали развитию производительных сил и тем самым ускоряли переход к более прогрессивному способу производства. Расширялись площади пашенных земель, открывались и использовались (насколько это было возможно в условиях господства феодальных отношений) новые месторождения полезных ископаемых, осваивались другие природные богатства. Часть непосредственных производителей материальных благ попадала на новых землях в условия большей хозяйственной самостоятельности, менее тяжелых форм феодальной эксплуатации. Для представителей зарождающейся буржуазии на присоединенных окраинах открывались дополнительные возможности обогащения.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть один из неисследованных вопросов, раскрывающих значение колонизации окраин в социально-экономическом развитии России,— результаты земледельческого освоения Западной Сибири в XVIII в. Речь идет о результатах в двояком смысле. 1. Рассматриваются преимущественно данные конца века как итоговые по отношению ко всему предшествующему периоду земледельческого освоения. 2. Анализируются те показатели состояния земледелия, которые связаны с результатами труда земледельца: объем хлебной продукции, размеры ее избыточной части, пути товарной реализации избытка и состояние хлебного рынка.

Рост пашенных земель, как показатель земледельческого освоения Западной Сибири, явился предметом самостоятельного исследования¹

¹ М. М. Громыко. Динамика пашенных земель Западной Сибири в 60—80-х годах XVIII в. В кн. «Сибирь в период феодализма», вып. II, Новосибирск, 1964.

и потому в данной работе используются только количественные данные о культивируемых площадях, необходимые для изучения названных вопросов. Привлечены три группы источников: отчеты губернаторов и наместников; ведомости местных учреждений — воеводских канцелярий, земских управителей, ратуш, уездных комиссарств и др.; академические анкеты — В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера и 1760 г., а также записки ученых-путешественников. Названные материалы хранятся в ЦГАДА, Архиве АН СССР и в местных архивах — Тюменской области (в Тобольске), Алтайского края и Новосибирской области.

* * *

В XVIII в. продолжается земледельческое освоение зауральских территорий страны русским населением. Распахиваются сотни тысяч десятин на новых землях лесостепной и степной полосы Западной Сибири; расширяются посевные площади и на большей части старых районов хлебопашества. Рост пашенных земель, следовавший в течение первой половины века за приростом населения (средний размер пашни на душу населения не менялся), с 60-х годов обгоняет его. К концу 80-х годов площади посева от Урала до Енисея (Тобольское наместничество; Верхотурский, Шадринский и Долматовский округа; Кузнецкий, Колыванский, Бийский и Семипалатинский уезды) составляли примерно 550 тыс. десятин.

Сколько хлеба давала эта территория в итоге двухвекового освоения ее русским крестьянством? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть данные среднего по урожайности года. Таким был для Западной Сибири 1788 г., сведения о валовом сборе которого довольно полно представлены в ведомостях Тобольского и Пермского наместничеств и Колыванской губернии. В Шадринском и Долматовском округах в этом году был неурожай, поэтому правильнее будет не принимать их во внимание. Это были хлебные районы, вполне прокармливавшие себя и имевшие обычно избыточный хлеб, поэтому исключение их не приведет к завышению показателей по региону в целом. На остальной территории урожай был в среднем сам-4 и дал такой валовой сбор хлеба (в восьмипудных четвертях)²:

Тобольское наместничество (без Ачинского уезда)	1 731 380
Бийский уезд	272 049
Колыванский уезд	177 825
Кузнецкий уезд	106 782
Семипалатинский уезд	109 413
Верхотурский округ	40 372
Всего	2 437 821

Русское население Тобольской и Томской губерний составляло вместе в 1782 г. (по четвертой ревизской переписи) 344 119 душ м. п.³

² ЦГАДА, ф. 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью), д. 59, лл. 19—30 об.; д. 60, ч. II, лл. 104—108, 112. Средняя урожайность вычислена по данным источника, в котором есть сведения о количестве высеянного и собранного зерна по всем культурам. Ср. также сведения Н. Л. Рубинштейна по Тобольской губ. для 1793 и 1794 гг.: 1 705 000 и 1 549 000 четв. валового сбора (Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй пол. XVIII в., М., 1957, стр. 452—453). Используемые нами данные губернаторских отчетов подтверждаются документами низовых учреждений, осведомленных о реальном положении дел. См., напр., анализируемые далее отчеты земских управителей.

³ В. Т. Кабузан, С. М. Троицкий. Движение населения Сибири в XVIII в. в кн. «Сибирь XVII—XVIII вв.», Новосибирск, 1962, стр. 153. При подсчетах населения по четвертой ревизии В. М. Кабузан и С. М. Троицкий включили условно (для достижения сопоставимости с данными других ревизий) в состав Тобольской и Томской губерний уезды Березовский, Ишимский, Курганский, Омский, Сургутский, Тарский, Тобольский, Туринский, Тюменский, Ялуторовский, Ачинский, Бийский, Енисейский, Канский, Колыванский, Красноярский, Кузнецкий, Нарымский, Семипалатинский, Томский, Туруханский.

К этому следует прибавить примерный прирост за 6 лет — 20 946 душ м. п. (исходим из того, что средний ежегодный прирост между четвертой и пятой ревизиями составлял для этих губерний 3491 д. м. п.). Получаем в итоге 365 065 душ м. п. или 730 130 человек населения. Для сопоставимости с выведенным числом населения, к объему валового сбора следует прибавить урожай Красноярского уезда (176 018 четвертей)⁴, а из числа населения вычесть население Ачинского уезда (в 1782 г. — 17 252 человека)⁵, но прибавить население Верхотурского округа (21 709 человек по IV ревизии)⁶. Из всей суммы валового сбора 1788 г. — 2 613 839 четвертей — вычитаем расход на посев — 623 874 четверти⁷. Чистый годовой сбор составит 1 993 965 четвертей.

Остается выяснить, сколько зерна шло на удовлетворение непосредственных потребностей населения в хлебе, установив среднюю норму обеспечения хлебом, приходящуюся на душу населения. К. В. Сивков, который изучил официальную документацию конца XVIII — начала XIX в. по этому вопросу, отмечает: «Одни полагали, что можно считать население обеспеченным хлебом, если на каждую душу населения будет иметься одна четверть (около 8 пудов) хлеба в год. Другие — их было большинство — считали необходимым минимумом две четверти хлеба на 1 душу в год. Центральное правительство в конце концов остановилось на этом показателе, и в расчеты, которые тогда производились, была положена именно эта цифра — две четверти (зерном) хлеба в год на каждую душу населения обоего пола»⁸. Официальная норма была, по-видимому, ниже реальной. Сибирская земская статистика XIX в. исходила из нормы в 20 пудов, т. е. две с половиной четверти хлеба на человека. Этот показатель представляется достаточно точным, так как во всех районах Западной Сибири в XVIII в. еще очень большую роль играли такие дополнительные источники продуктов питания, как охота, рыболовство, сбор ягод и грибов, которые снижали норму потребления хлебных продуктов. Итак, расход на потребление 734 587 человек составит (по 2,5 четверти на человека) 1 836 467,5 четверти.

Если же учесть потребление не только русского, но и коренного населения Западной Сибири (41 164 ревизских душ по IV ревизии⁹), то, при более низких нормах расхода на душу (для некоторых народов хлеб еще не стал основой питания), чистый годовой сбор зерновых как раз покроет потребности всего региона в хлебе.

Сибирская администрация иначе оценивала степень обеспеченности края хлебом в такой средний по урожайности год. Для Тобольского наместничества (Тобольская и Томская губернии) по расчетам наместника Александра Алябьева, за вычетом семян для 1789 г. и годового запаса продовольствия, должно было остаться избыточного хлеба: 115 267 четвертей пшеницы, 240 871 четверть овса и 23 900 четвертей ячменя, проса и гречихи вместе. При этом расчете ржи не хватало 81 521 четверти. В итоге избыточного хлеба получалось 298 527 четвертей¹⁰, что составляет 17% от валового сбора хлеба¹¹. Отсутствие данных по Ачинскому уезду, которые к моменту составления ве-

⁴ ЦГАДА, ф. 24, д. 59, л. 30.

⁵ Там же, д. 60, ч. I, лл. 180—200.

⁶ В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Указ. соч., стр. 145.

⁷ Сосчитано нами по ведомостям А. Алябьева, Б. Миллера и Колтовского, представленным Екатерине II (ЦГАДА, ф. 24, д. 59, лл. 29—30 об.; д. 60, ч. II, лл. 104—108, 112).

⁸ Н. В. Сивков. Некоторые итоги зернового производства в Европейской России на рубеже XVIII—XIX вв. В кн. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1958 г.», Таллин, 1959, стр. 26.

⁹ В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Указ. соч., стр. 155.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 24, д. 60, ч. II, л. 112.

¹¹ Высчитано нами по данным Алябьева.

домости не были еще получены, не вносило искажения, так как Алябьеву было уже сообщено, что в этом районе недостатка хлеба не будет.

В донесении А. Алябьева не раскрыто, из чего исходили при расчете годового запаса продовольствия, но, судя по результату, пользовались очень низкими нормами потребления (1,2 четверти), либо не учитывали прирост населения после ревизии и коренных нерусских жителей края. При более точном расчете, как было показано выше, наличие избыточного хлеба по отношению ко всему населению Западной Сибири при среднем урожае не подтверждается. Обеспеченность же края своим хлебом не оставляет сомнений.

Разумеется, обеспеченность региона в целом хлебом не означала равномерного распределения, несколько не исключала нужду бедной части населения. Вопрос распределения мы оставляем сейчас в стороне. Нас интересует объем продукции как показатель уровня, достигнутого земледелием Западной Сибири к концу XVIII в.

Освоенная в XVIII в. южная часть Западной Сибири, природные условия которой благоприятны для хлебопашества, давала значительные избытки хлеба. Об этом говорит анализ сведений, составленных десятию годами позже и относящихся к юго-восточной части региона.

Состояние земледелия Колыванской губернии довольно полно отразилось в отчетах земских управителей, представленных в 1800 г. начальнику Колывано-Воскресенских заводов В. С. Чулкову. Не все из этих отчетов равноценны. По большинству волостей составители стремились указать площади посева, количество высеваемых семян и валовой сбор с учетом опыта многих лет, отражая нижнюю и верхнюю границы этих показателей (см. табл. 1). В таких ведомостях по каждой из этих рубрик дается две цифры — «от» и «до». (В нашей таблице в таких случаях взята средняя величина). В других дается одна цифра без всяких комментариев, выражающая, по-видимому, величину, отобранную самим составителем. Наконец, в некоторых отчетах (таких очень мало) просто указано, что показатели даются только за 1799 г. Донесения земских управителей охватывают все крестьянство, приписанное к заводам. Государственные крестьяне Колыванской губернии, не приписанные к заводам, в их ведомости и соответственно в нашу таблицу не вошли.

Отчеты земских управителей начальнику заводов охватывают 33 волости с 988 населенными пунктами. Состояние хлебопашества в этих волостях неодинаково. В семи из них — Верхотомской, Тальменской, Кузнецкой, Бийской, Уксунской, Енисейской и Кривошёрковской — крестьяне собирают хлеба меньше, чем нужно для их пропитания. В Малышевской, Мунгатской и Тарсминской — с очень небольшим избытком. Остальные двадцать три волости давали высокий процент избыточного хлеба — от 20 до 70. Различие определялось в основном степенью занятости крестьян в неземледельческих промыслах (охота, рыболовство, отходничество на извоз, на заводы и др.).

Всего рассматриваемые волости производили в конце века около 830 тыс. четвертей хлеба. Из них 175 тыс. четвертей шло на семена. Свыше 290 тыс. четвертей нужны были на прокормление самих земледельцев с семьями. Здесь мы опять исходим из нормы потребления в 2,5 четверти (для всех волостей в донесениях земских управителей охота и рыболовство указываются как дополнительные источники пропитания). Таким образом, по всем этим волостям вместе остается за вычетом семян и расхода на потребление 43% избыточного хлеба. Делая скидку на возможную неточность сведений земских управителей, следует все-таки признать, что в урожайные годы районы развитого хлебопашества давали значительный процент избыточного хлеба.

Не весь избыточный хлеб в условиях Сибири становился товарным. Большие расстояния, плохие дороги, отсутствие крупных промышлен-

Данные источника							Производные показатели			
Волость	число населенных пунктов	число крестьянских домов	число крестьян (обоих пола)	посевные площади (дес.)	количество зерна на посев (четв.)	валовой сбор (четв.)	чистый годовой сбор (четв.)	примерный расход на потребление (четв.)	Избыточный хлеб (четв.)	% избыточного хлеба от валового сбора
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
Тарминская	37	538	3803	3070	4290	13 860	9570	9507,5	62,5	0,5
Верхотомская	26	404	2590	2160	2870	8000	5130	6475	—1345**	16**
Касминская	51	801	5156	7700	7720	42 000	34 280	12 890	21 390	50
Малышевская	16	616	3876	2250	4550	15 800	11 250	9690	1560	10
Кудундинская	30	767	4432	4560	7150	24 000	16 850	11 080	5770	24
Бурлинская	30	568	3707	2770	3420	20 350	16 930	9267,5	7662,5	37
Чингинская	31	657	4090	3520	4370	20 770	16 400	10 225	6175	30
Ильинская	25	549	3238	2300	3320	15 500	12 180	8095	4085	26
Кузнецкая	29	504	2953	1750	3750	9400	5650	7382,5	—1732,5**	18**
Бачатская	22	569	3316	3240	5340	18 230	12 890	8290	4600	25
Мунгатская	38	581	3863	2470	3340	14 000	10 660	9657,5	1002,5	7
Белоярская	32	564	3503	4758	6326	24 175	17 848	8757,5	9090,5	37
Тальменская	28	672	3919	3126	3126	12 504	9378	9797,5	— 419,5**	3**
Боровлянская	40	661	4006	5256	8013	27 668	19 655	10 015	9640	35
Чумышская	51	780	4720	4110	7825	59 824	51 999	11 800	40 199	67
Чауская	26	606	4457	4110	7060	49 630	42 570	11 142,5	—31 427,5	63
Ояшенская	17	241	1600	2510	4250	29 500	25 250	4000	21 250	70
Варюхинская	16	242	1439	900	1370	8200	6830	3597,5	3332,5	40
Уртамская	6	200	1396	1370	2320	14 000	11 680	3490	8190	58
Тутальская	63	708	4129	5960	10 040	69 780	59 740	10 322,5	49 417,5	70
Кайлинская	44	538	3374	5060	8530	60 600	52 070	8435	43 635	70
Пачинская	20	257	1466	2170	3670	25 670	22 000	3665	18 335	70
Бийская	26	522	3606	2600	4020	12 060	8040	9015	— 975**	8**
Уксунская	24	477	2862	1606	2550	5192	2642	7155	—4513**	8**
Енисейская	16	409	2516	1294	2610	7220	4610	6290	—1680**	20**
Бердская	23	613	3994	3138	4728	21 400	16 672	9985	6687	30
Кривошековская	37	636	4291	4137	6045	16 124	10 079	10 727,5	—648,5**	4**
Легостаевская	33	693	4568	4137	4801	36 984	32 182	11 420	20 762	58
Ордынская	34	735	4682	3738	5585	27 251	21 666	11 705	9961	36
Барнаульская	39	647	4410	3500	5600	25 000	19 400	11 025	8375	33
Чарышская	30	488	3421	2500	4000	15 000	11 500	8552,5	2947,5	20
Шадринская	25	623	3838	3500	19 000	45 000	26 000	9595	16 405	36
Касмалинская	33	440	3053	3000	4000	33 000	29 000	7632,5	21 367,5	60
Всего:	998	18 306	116 274	108 270	175 589	827 692	652 601	290 685	361 916	43

* Таблица составлена на основании ведомостей земских управителей (ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 151, лл. 305—310; 313—318; 321—327; 330—340; 342—350; 352—356; 359—365; 369—374).

** В графе «Избыточный хлеб» числа со знаком — означают дефицит хлеба по волости. Соответственно в следующей графе выведен для таких волостей процент хлебного дефицита.

ных центров, господство феодальных отношений в стране в целом — все эти обстоятельства тормозили превращение избыточного сельскохозяйственного продукта в товар, мешали полной реализации возможностей, которые несли с собой сдвиги в земледельческом освоении края. Для зажиточных сибирских крестьян, которые в первую очередь и могли поставлять хлеб на рынок, были характерны запасы хлеба из урожаев нескольких лет, в качестве страховки на случай неурожая. В неурожайном 1784 г. наместник Кашкин писал, что «хотя многосемяннейшие и нерадивые крестьяне и чувствуют в том недостаток, но, напротив, зажиточные из урожая прошлых лет имеют оного во излишестве, как то из полученных из нижних земских судов рапортов доказывается...»¹².

Источники не дают возможности определить точно, какая часть избыточного хлеба в Западной Сибири поступала на рынок. Но мы можем на основании имеющихся сведений с уверенностью говорить о наличии значительного хлебного рынка. Рассмотрим эти сведения.

Ответы на анкету В. Н. Татищева рисуют широкое движение хлеба по водным путям Западной Сибири. Примечательно, что в 30-х годах XVIII в. хлеб шел и из Западного района в южные осваиваемые земли, и в обратном направлении. Из Тобольска до Ямышевской крепости отправляли провиант для военных сил Верхне-Иртышских крепостей. В то же время по Ишиму плавали в Тобольск из слобод Ишимского дистрикта баржи и даже плоты с хлебом. Внутри Тарского уезда, жители которого «хлебом избыточествуют», зерно доставляли в Тару по малым речкам на однодеревках и шитых лодках, поднимавших по 200 пудов насыпного хлеба¹³. Крестьяне и разночинцы Чернолуцкой, Татымыцкой и Бергамацкой слобод «от своих пашен хлеб» возили продавать только в Тару. Тарский уезд, следовательно, в 30-х годах XVIII в. уже производил товарный хлеб. Однако для снабжения крепостей его было недостаточно. Кроме того, сказывалась и плохая организация закупок продовольствия для войска, стремление навязать населению свои цены. Этим, по-видимому, объясняется то, что крестьяне из-под Омской крепости, которые «избыточествуют хлебом»¹⁴, везли его на тобольский рынок, в то время как крепости на Иртыше страдали от недостатка продовольствия.

Верхне-Иртышские крепости снабжались привозным хлебом и в 60-х годах. При этом Тобольск, наряду с Краснослободском, Ялуторовском, Ишимом и Туринском, остается в числе городов, из которых доставляют хлеб в Ямышевскую крепость и выше¹⁵. Вызвано это было тем, что Тобольск, в силу своей административной роли губернского центра и экономической роли торгового центра, притягивал значительные излишки хлеба из других уездов.

Из хлебного Ялуторовского дистрикта возили в 60-х годах в Тобольск хлеб на продажу и из самого Ялуторовска, и из Суерского острога, и из Усть-Суерской слободы. Хлеб продавали именно в Тобольске, несмотря на то, что ближайшим крупным городом была Тюмень, и тюменские купцы торговали промышленными товарами на местных торжках Ялуторовского дистрикта¹⁶. Из ответов на анкету 1760 г. рисуется целая сеть торжков в Ялуторовском дистрикте — на территории дистрикта достаточно было мелких центров местной торговли, на которых можно было бы сбыть излишки сельскохозяйственных продуктов, если бы они не выходили за рамки потребностей своего района. Но Ялуторовский дистрикт производил хлеба гораздо

¹² ЦГАДА, ф. 24, д. 60, ч. 1, л. 128.

¹³ Архив АН СССР, ф. 21 (фонд Г. Ф. Миллера), оп. 5, д. 152, л. 207 об.— 208.

¹⁴ Там же, л. 232.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 24, д. 35, л. 73 об.

¹⁶ Архив АН СССР, ф. 3 (Канцелярия и Комиссия АН), оп. 10а, д. 181, лл. 25—28 об., 34.

больше, чем потреблял; сбыт его выходил за рамки местного рынка. Для Ялуторовского дистрикта характерна фигура скупщика хлеба. Такие скупщики, — по-видимому, из разбогатевших крестьян — скупали хлеб на местах по низкой цене. Отвечая на анкету 1760 г., Ялуторовская канцелярия писала по поводу занятий некоторых жителей Ялуторовска и Суерского острога: «...а другие закупают хлеб и привозят водою по реке Тоболу на барках в город Тобольск, те и в лучшем состоянии находятся» (подчеркнуто мною. — М. Г.). Аналогична характеристика и скупщиков Усть-Суерской слободы¹⁷.

О примерном объеме хлебного рынка в Тобольске дают возможность судить такие данные: в 1771 г. там по неполным, по-видимому, сведениям было продано 183 тыс. пудов разных сортов хлеба¹⁸. Эта цифра убедительно показывает, что город стягивал хлеб далеко не только своего уезда. Пашня Тобольского уезда в это время составляла примерно 26 тыс. десятин¹⁹ и не могла дать такого излишка.

В Краснослободском дистрикте, где потребителями хлеба были уральские заводы, значительный рынок сельскохозяйственных продуктов формировался на месте²⁰. Хлебный рынок уездного масштаба отмечен анкетой 1760 г. в Тюмени²¹. Уже в 20-х годах по ассортименту земледельческих продуктов тюменский рынок был достаточно богатым: торговали рожью («добрая» и «средняя»), овсом, ячменем (оба двух сортов), пшеничной мукой, ржаной мукой, толокном и овсяной мукой, гречневой и ячневой крупами, горохом, конопляным и льняным семенем, солодом, хмелем²². Книга записная Тюменской таможи за 1735 г. зафиксировала немало «явок» крестьянами и разночинцами уезда хлеба «своей пахоты»; ржаная или пшеничная мука привозилась крестьянами по 40, 55, 60 пудов²³. Появлялись иногда на тюменском рынке и крестьяне из других уездов, в частности из Исетской провинции. В Туринск по воскресеньям приезжали торговать хлебом жители уезда²⁴.

Оживлению местных хлебных рынков способствовала отмена десятинной пашни и замена натурального оброка денежным в 1762 г. Достигнутый уже к этому времени уровень развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве привел к выдвижению крестьянами требования замены отработочных и натуральных повинностей денежным оброком. Испытывая давление снизу, правительство провело в 1762 г. эту меру, которая, в свою очередь, стимулировала товаризацию земледелия. Часть крестьян целиком переходит на занятие промыслами, увеличивая тем самым количество покупателей хлеба. Д. И. Чичерин сообщал Сенату в 1766 г., что многие крестьяне, занимающиеся жжением угля и рубкой леса, покупают продовольствие на рынке²⁵. Верхотурское уездное комиссарство писало в 1768 г. о крестьянах, у которых пахотной земли и сенных покосов «крайне недостаточно», что они «довольствуются хлебом всегда покупаемым»²⁶.

Важным потребителем хлеба были содержащиеся постоянно на территории Западной Сибири, особенно в южной, пограничной ее части, войска. Для характеристики объема потребляемого ими хлеба и источников его приобретения большой интерес представляет один из

¹⁷ Там же, лл. 18 об., 34.

¹⁸ И. П. Фальк. Записки путешествия, СПб., 1824, стр. 401.

¹⁹ ЦГАДА, ф. 24, д. 35, лл. 130—131.

²⁰ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10а, д. 182, л. 48; ф. 21, оп. 5, д. 183, л. 16.

²¹ Там же, ф. 3, оп. 10а, д. 183, лл. 55 об.—56.

²² Государственный архив Тюменской области (в Тобольске) (далее: ГАТОТ), ф. 47 (Тюменская воеводская канцелярия), оп. 1, св. 47, д. 754, лл. 1—2.

²³ Там же, ф. 29 (Тюменская таможня), св. 7, д. 204, лл. 1—18.

²⁴ Там же, св. 4, д. 130, л. 3; Архив АН СССР, ф. 3, оп. 10а, д. 184, л. 63 об.

²⁵ ЦГАДА, ф. 24, д. 33, л. 67; Н. М. Шелукова. К вопросу об отмене десятинной пашни в Сибири. В кн. «Сибирь в период феодализма», вып. II.

²⁶ ЦГАДА, ф. 1467 (Верхотурское уездное комиссарство), оп. 1, д. 44, л. 7—7 об.

опубликованных Г. Потаниным документов по истории сибирского войска. Это промемория Сибирской губернской канцелярии от 23 января 1745 г., которая содержит требование главного командира Сибирского корпуса генерал-майора Киндермана, касающееся недостатков в запасах продовольствия для войска, и отражает реакцию губернской канцелярии на все пункты его заявки²⁷. В первом пункте отмечалось, что в крепостях Тарского ведомства есть в запасе только 2050 четвертей муки, а овса нет совсем. В ответ губернская канцелярия заверила, что для закупки провианта для Сибирского корпуса отправлены дворяне в Тюменский, Ялutorовский и Краснослободский уезды. Этот пункт содержит ценное для нас свидетельство о том, что покупка хлеба на вольном рынке была одним из источников снабжения войска. Для Ялutorовского и Краснослободского дистриктов это создавало один из каналов сбыта товарного хлеба. Обращает на себя внимание, что за хлебом посылали и в Тюменский уезд — этот уезд старого земледелия тоже располагал товарным хлебом.

На все расположенное на территории Западной Сибири регулярное войско ежемесячно полагалось: 4876 четвертей ржи, 208 четвертей круп, 8583 четверти овса и 112 890 пудов сена²⁸. Следовательно, годовое его содержание составляло соответственно 58 512, 2496, 102 996 четвертей и 1354 680 пудов сена. Как видно из промемории, оброчный и десятинный хлеб составляли небольшую долю в этих расходах. Остальное приобреталось путем покупки у населения. Закупки хлеба производились в Ялutorовском, Краснослободском, Ишимском, Тарском, Тюменском и Тобольском дистриктах²⁹.

Уже в это время, к которому относится рассмотренная промемория, т. е. в 40-х годах, в закупках хлеба для армии применялись подряды. В 1743 г. Кузнецкая воеводская канцелярия констатировала, что в казенном магазине Кузнецка запасено мало хлеба, собранного по уезду в качестве отсылного четверикового побора. Поэтому по всем слободам и острогам Кузнецкого ведомства было опубликовано объявление, призывающее взять подряд на поставку хлеба для команды³⁰. О том, что такие призывы находили отклик, свидетельствует деятельность разбогатевшего бийского крестьянина Тимофея Фоминского. В середине 40-х годов он поставлял в казну соль и одновременно скупал у крестьян Белоярской слободы хлеб для казенных поставок³¹. Позднее закупка хлеба для войска непосредственно у крестьян или на рынке специально выделенными военными все более вытесняется системой подрядов. Заключался контракт со скупщиком, который обязывался доставить хлеб на место потребления. Крестьянин Ишимской слободы в 1763 и 1764 гг. поставлял хлеб в Омскую крепость. О значительности размеров его поставок можно судить по такому показателю: ему было недоплачено 1600 руб.³²

При этом скупщик хлеба проникает в систему казенных заготовок продовольствия не только через официально заключаемые подрядные договоры. Офицеры, посланные для закупки хлеба у крестьян, сами прибегали к посредничеству скупщиков. В 1764 г. офицеры Кузнецкой и Колыванской линий, которым была поручена заготовка провианта в Томском и Кузнецком уездах, «сами не покупают, но сыскав скупщиков, сговорясь с ними», дают им высокую цену, «а те скупщики не токмо во отдаленных от себя местах, но в Берской, Малышевской и Белоярской слободах и подъезжая в близости к заводам у крестьян

²⁷ «Материалы для истории Сибири», «Чтения ОИДР», 1866 г., стр. 32—34.

²⁸ Там же, стр. 34.

²⁹ Последний факт говорит о том, что в 40-х годах земледельческая округа Тобольска еще производила избыточный хлеб.

³⁰ ЦГАДА, ф. 4270 (Бийская крепость), оп. 1/ч. 1, д. 3, 335 об.

³¹ Там же, оп. 1/ч. II, д. 5а, лл. 175, 223—223об.

³² ЦГАДА, ф. 24, д. 57, лл. 5об.—6.

покупают... не менее как двойной ценою». Об этом возмущенно сообщало Колывано-Воскресенское горное начальство, хлебные заготовки которого удорожались от этой конкуренции. «Привоз в здешней завод на вольную продажу провианта вдруг пресекся и служители претерпевают немалую нужду». Колывано-Воскресенская канцелярия предписала управителям и старостам наблюдать, «чтобы оной в казну хлеб продавали офицерам без всякого опасения, а скупщикам и перекупщикам... отнюдь не продавали», но была вынуждена констатировать, «что от управителей и старост в том никакого смотра нет»³³. Фактическое проникновение скупщика в хлебные заготовки для армии было гораздо шире, чем этого хотели власти и чем отражала документация подрядов.

После отмены десятинной пашни и замены натурального оброка денежным подряды становятся почти единственным способом пополнения казенных хлебных магазинов. Только в том случае, если не находилось желающих взять подряд, прибегали к закупкам непосредственно на торгах. Это случалось при вздорожании хлеба, когда скупщики находили невыгодным для себя брать казенный подряд³⁴.

Одним из основных каналов, по которым расходился товарный хлеб западно-сибирской деревни, было снабжение горнозаводских поселков. В известной мере это относилось к западным уездам, прилежащим к Уралу, но главным образом — к Восточному району, где деревня снабжала Колывано-Воскресенские заводы.

В связи с развитием металлургической промышленности на Урале возникают новые центры местной торговли. Таким был торг на Невьянском заводе Демидова. Г. Ф. Миллер отмечает его в числе важнейших пунктов внутренней сибирской торговли на территории, лежащей западнее Тобольска. Пошлинные сборы с этого рынка Демидов взял на откуп, поэтому казенный контроль там совершенно отсутствовал. Уплачиваемая Демидовым казне сумма далеко не соответствовала, по мнению Миллера, размаху Невьянского торга. Торговали там купцы Екатеринбург, Верхотурья, Туринска, Тюмени, Тобольска³⁵.

На Колывано-Воскресенских заводах активизации вольной торговли хлебом содействовало в первые годы их существования полное отсутствие пошлин. Возникнув в благоприятном для земледелия районе, заводские поселки в демидовский период становятся местами притяжения хлебной торговли земледельческой округи не только потому, что крестьянин находил покупателя в самом поселке, но и как защищенное от нападений место, где был удобен торг. В 30-х — начале 40-х годов на Колывано-Воскресенских заводах шла крупная торговля с калмыками, которые приезжали туда небольшими караванами с табунами скота и другими товарами, а покупали, в основном, хлеб³⁶.

Сами Колывано-Воскресенские заводы значительными потребителями становятся позднее, с ростом числа мастеровых и инженерно-административного слоя. Число взрослых мастеров, подмастерьев и рабочих по всему комплексу рудников и заводов к началу 90-х годов составляло с учетом отставных мастеровых, ссыльных, лекарей, учителей 8570 человек³⁷. Так как в данном случае учитывались только взрослые лица мужского пола, это число нужно умножить по меньшей мере на четыре, чтобы получить все нуждавшееся в хлебе население заводских поселков, что составит 34 280 человек, т. е. количество, превосходившее население многих крупных сибирских уездов. Всю эту группу кормили крестьяне юго-восточного района Западной

³³ ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1/ч. II, д. 16, лл. 112—113.

³⁴ Там же, ф. 24, д. 60, ч. 1, лл. 122—123об.

³⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 183, лл. 14, 17; оп. 2, д. 9, лл. 23—24, 28—29.

³⁶ Там же, д. 183, л. 20; оп. 2, д. 9, л. 33.

³⁷ Государственный архив Алтайского края (далее: ГААК), ф. 1, оп. 2, д. 151, лл. 183об.—186об.

Сибири. Исходя из указанной цифры и полагая 2,5 четверти хлеба в год на душу населения, мы получим 85 700 четвертей — ориентировочный объем хлеба, потребного для поселков Колывано-Воскресенских рудников и заводов. Правда, многие из мастеровых имели свои огороды — это снижало их потребность в хлебе. Но зато мы не учли живших в поселках купцов, ремесленников, мещан-домовладельцев, отставных военных — большинство из этих групп населения не имело своей пашни. Жители заводских поселков получали хлеб из двух источников: из казенных запасов и через личную покупку на вольном рынке. Казенные запасы, в свою очередь, пополнялись тоже двумя способами: из поставок по обязательной, установленной заводом цене и через покупку заводскими агентами «по вольным ценам». По мере роста пашни и количества избыточного хлеба в округе, покупка на вольном рынке — агентами заводов или через подрядчиков — становится все более существенным источником казенных запасов. Увеличивается также доля частных покупок хлеба самими работниками.

На протяжении всего рассматриваемого периода в продовольственном снабжении заводов красной нитью прослеживается борьба двух противоречивых тенденций: стремление властей установить принудительные поставки по регламентированным ценам, с одной стороны, и давление рынка с его стихией цен товарного хлеба — с другой.

Судные избы составляли списки — «книги» крестьян, которые должны были поставлять провиант на заводы. Раскладка производилась по числу ревизских душ в семье на всех крестьян, занимавшихся хлебопашеством, «кроме неимущих и не имеющих у себя хлеба»³⁸. К книге подшивались расписки, выданные Колывано-Воскресенской горной конторой крестьянам, выполнившим годичную поставку. Такая книга Бийской судной избы, составленная в октябре 1759 г., включает 295 ревизских душ. С одной души предписывалось поставить 12 пудов хлеба. Для зажиточных крестьян эта норма не была, по-видимому, обременительной: об этом свидетельствуют несколько расписок о сдаче провианта за следующий, 1760 г. Всего перечисленные в книге крестьяне Бийского ведомства должны были за год привезти на Колывано-Воскресенские заводы по обязательным поставкам: 2200 пудов ржаной муки, 500 пудов муки пшеничной, 200 пудов круп, 200 пудов солоду и 200 пудов овса, всего 3300 пудов³⁹. Являлись ли эти поставки простым исполнением феодальной повинности? Ответить на этот вопрос дает возможность указ горного начальства, разосланный по судным избам в декабре 1761 г. Указом предписывалось «расположить» на крестьян поставку провианта и корма на заводы в будущем году так же, как это делалось раньше. Цену на хлеб положить такую, какая в январе 1762 г. будет на барнаульском базаре в вольной продаже. Срок доставки — февраль. Только тем крестьянам, которые в марте должны выполнять заводские отработки, разрешалось приурочить привоз хлеба к марту. Позднее марта поставки исключались. Этот путь снабжения заводов основывается на внеэкономическом принуждении и феодален по всему своему духу. Однако власти уже не могут не считаться с ценами вольного рынка. А раз хлеб продается крестьянином по рыночной цене, поставки не являются феодальной рентой.

Этот же указ предписывал местным властям найти среди населения желающих поставлять впредь хлеб вместо заводских отработок, по 50 пудов за ревизскую душу, опять-таки «по состоящим в тех годах базарным ценам». Наконец, третий способ реализации поставок, предлагаемый рассматриваемым указом, предполагал свободные добровольные поставки по подрядам. Таким способом намечалось закупить

³⁸ ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1/ч. II, д. 14, л. 7.

³⁹ Там же, д. 11, лл. 5—11об.

для заводов и рудников 100 тыс. пудов хлеба (естественно, по вольным ценам). Желаям взяться за такие поставки предлагалось «для торгу и договору в цене» немедленно явиться в канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства ⁴⁰.

Если книга раскладки обязательных поставок бийских крестьян от 1759 г. зафиксировала норму около 12 пудов с ревизской души, то в 1764 г. эти же крестьяне должны были поставлять только по 4 с немногим пуда с души ⁴¹. Между тем потребности заводов, как указывалось выше, год от года увеличивались. Следовательно, сокращение было вызвано увеличением удельного веса других способов поставок.

Вынужденное считаться с положением дел на рынке, заводское начальство стремилось в то же время закупить хлеб по самым низким из рыночных цен. Для привлечения крестьян при этом пускалось в ход такое средство, как выдача денег авансом. Но эти меры наталкивались на глухое сопротивление деревни. Так, в 1771 г. очередной указ предлагал земским избам объявить крестьянам, не пожелает ли кто поставлять на заводы и рудники муку ржаную и пшеничную, солод, ячную крупу и овес «не в зачет подушного склада и заводских работ, но за выдачу наперед из казны всех денег» ⁴². При этом указывались твердые цены, несколько менявшиеся в зависимости от отдаленности завода или рудника. Сопоставим эти цены с теми, которые были в ходу на барнаульском рынке в этом же, 1771 г. (см. табл. 2).

ТАБЛИЦА 2

Хлебные продукты	Цена пуда в коп.			На барнаульском рынке **
	предлагаемая заводской администрации *			
	на ближайший завод	на завод средней отдаленности	на дальний рудник	
Мука ржаная	7	8	9	9—10
» пшеничная	14	15	15	20—25
солод	14	15	15	25
крупа ячная	14	15	17	15—25
овес	6	7	9	Нет сведений

* ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1/ч. II, д. 11, л. 514об.

** И. П. Фальк. Указ. соч., стр. 499.

Предложенные администрацией цены поставок на самые отдаленные рудники и заводы совпадали с нижней границей рыночных цен или были меньше. Реакция крестьян была соответствующей: несмотря на многократные объявления, охотников взяться за поставки на таких условиях не нашлось ⁴³.

Состояние снабжения заводов в конце рассматриваемого нами периода отразилось в указе Колыванской горной экспедиции 1788 г., который дает детальную картину связей окружающих деревень с заводами по линии хлебной торговли ⁴⁴. Для продовольственного снабжения «служителей» рудников и заводов (обобщающий термин истощников, охватывающий всех — от работных людей и мастеровых до администрации) провиант заготавливается через покупку «по вольным

⁴⁰ Там же, д. 14, лл. 5—6.

⁴¹ Там же, д. 16, л. 76. 984 ревизские души крестьян Бийского и Локтевского ведомства должны были по обязательным поставкам продать заводам в 1764 г. только 4252 пуда ржаной муки, круп и овса.

⁴² Там же, д. 11, лл. 514—514об.

⁴³ ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1/ч. II, д. 11, л. 514об.

⁴⁴ Государственный архив Новосибирской области (далее: ГАНО), ф. 13 (Сузунская заводская контора), оп. 1, д. 2, лл. 268—270.

ценам» у сельских жителей с условием доставки хлеба в заводские поселки. В связи с развитием вольной продажи хлеба, особенно на заводах, расположенных близко к деревням,—Барнаульском, Павловском, Сузунском, значительное место занимает покупка хлеба самими «служителями».

Горная экспедиция предписывает в указе 1788 г. отпускать хлеб по казенной цене — 25 коп. за пуд — только лицам, получающим жалование не более 40 руб.; семьям этих работников — отпускать хлеб по той цене, по какой он обходится заводу. Остальные должны приобретать хлеб через вольную продажу. К покупке муки на рынке могут прибегнуть, если захотят, и низкооплачиваемые работники. Для отдельных рудников (Змеиногорский и др.), где из-за отдаленности почти совсем не бывает привоза хлеба «в вольную продажу», сохранялся прежний порядок снабжения мукой, закупленной в деревнях администрацией рудника.

Колыванская горная экспедиция жалуется в рассматриваемом документе на высокие цены на хлеб. Обычно цена была даже в неурожайные годы в ближних заводах по 18—20 коп. за пуд ржаной муки, в дальних — по 30 коп. В текущем же 1788 г., специальный нарочный, посланный узнать «о происходящих в жительство крестьянских ценах», доложил, что закупки чиновников для линий и подрядчиков вздувают цены до 50 и 66 коп. за пуд. Все заводские конторы донесли в горную экспедицию, что «посланными закупщиками по дороговизне хлеба нисколько не куплено». Часть крестьян согласилась поставить в ближайшие заводы ржаную муку по 27—30 коп. за пуд. Колыванская экспедиция разрешила заводским конторам сделать закупки по повышенным ценам. Весь дух и фактическая сторона этого документа убедительно говорят о том, что администрация заводов зависела от положения дел на рынке. Следовательно, выведенные выше для конца 80-х — начала 90-х годов 85 700 четвертей потребного заводам хлеба входили полностью в это время в состав товарной продукции крестьянства Колыванской губернии. Но они не исчерпывали ее. Ведь на этой же территории действовали подрядчики и агенты, закупавшие хлеб для вооруженных сил пограничных линий. Эта территория состояла примерно из Колыванского, Кузнецкого, Семипалатинского и Бийского уездов. В 1788 г., когда составлялся рассматриваемый указ Колыванской горной экспедиции, названные уезды располагали валовым сбором в 666 067 четвертей⁴⁵. Потребляемый заводскими поселками хлеб составлял примерно 13% валового сбора. Следовательно, товарность хлебопашества здесь в конце 80-х годов не могла быть меньше 13%.

Состояние цен в заводских закупках в конце века тоже свидетельствует о том, что поступающий в промышленные поселки хлеб был куплен, а не отнят по принудительным расценкам. Привлекавшие уже нами донесения волостных управителей содержат сведения о ценах, по которым закупали заводы рожь, пшеницу в разных волостях. Цены различаются в зависимости от района покупки и колеблются от 1 руб. 20 коп. до 4 руб. за четверть ржи и от 2 руб. до 6 руб. за четверть пшеницы. В ближайших к Барнаулу волостях цены соответствовали состоянию барнаульского рынка, а в западных волостях — ценам хлебного рынка на Иртышской линии⁴⁶.

Западносибирский хлеб в XVIII в. использовался также в качестве сырья для винокуренной промышленности, которая быстро растет в этот период, становясь сферой приложения капиталов многих купцов. В исследовании Н. И. Павленко по истории русской металлургии

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 24, д. 59, лл. 29—30об.

⁴⁶ ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 151, лл. 306—310, 314—318, 322—327, 331—340, 343—350 и др.

убедительно показана роль винокурения в создании капиталов владельцев металлургических заводов⁴⁷. Значительна была роль винокурения и в формировании западносибирской буржуазии. Битюковы, Колмогоровы, Стукаловы, Походяшины, Головкины, Переваловы и другие купцы Тобольска, Тюмени, Верхотурья поставляли вино со своих заводов. Указ 1754 г. о запрещении купеческого винокурения не распространялся на Сибирь. С другой стороны, ограничения, вводимые Кабинетом на территории Колывано-Воскресенских заводов, препятствовали развитию этой отрасли промышленности в юго-восточной части Западной Сибири. Винокуренные предприятия сосредоточивались в основном в юго-западном районе⁴⁸.

По данным Сибирской губернской канцелярии 1767 г., на основании донесений сибирских винокуренных заводов, для трех из них (Уксусского, Усть-Мияского и Фоминского) в течение одного года нужно было заготовить 56 000 четвертей зерна. Заготовки производились в Ялуторовском и Краснослободском дистриктах, Исетской провинции, Тюменском, Туринском и Верхотурском уездах⁴⁹. В 70-х годах в Исетской провинции Ертарский винокуренный завод ежегодно изготавлял 35 645 ведер вина, Буткинский — 28 300 ведер, Боровлянский — 11 867 ведер. Сырье для этой продукции составляло ежегодно 227 438 пудов хлеба и 260 пудов хмеля⁵⁰.

Для определения объема продукции винокурения и, соответственно, количества потребляемого им хлеба мы можем исходить также из количества вина, поставляемого на казенные кружечные дворы Западной Сибири, — в начале 70-х годов свыше 104 тыс. ведер. В эту сумму не вошло потребление Томского уезда, всей территории Колывано-Воскресенских заводов, Нарыма с Кетском и Исетской провинции⁵¹. Таким образом, 300 тыс. с лишним пудов зерна, которые были необходимы для изготовления названного количества вина, отнюдь не исчерпывали всего потребления хлеба винокуренными заводами. Поскольку заводы принадлежали частным лицам, приобретение сырья шло исключительно через хлебный рынок.

Как проводились заготовки хлеба для винокурения? Ценные сведения об этом сохранились в фонде Верхотурского уездного комиссарства. В частности, сохранилось донесение выборного Фоминского винокуренного завода Степана Романова от 1766 г. (завод принадлежал в это время графу А. П. Шувалову), в котором он сообщает, что в сентябре 1765 г. верхотурский русский ясачный Михаил Дмитриев Краюхин подрядился поставить на винокуренный завод «собственной своей ржи» 100 четвертей. Деньги (по 1 руб. за четверть) он получил вперед⁵². Система выдачи вперед денег по письменному договору — «обзадачивание» — существовала и во взаимоотношениях винокуренного завода с другими поставщиками. Романов писал, что «велено обзадачиваемой хлеб с разных людей собирать в заводские амбары против написанных договоров в самой скорости... без всякого послабления»⁵³. Наряду с такой формой закупки заводом сырья непосредственно у производителей хлеба, имела место и закупка при посредстве скупщика⁵⁴.

⁴⁷ Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII в., М., 1962, стр. 482—91.

⁴⁸ И. П. Фальк. Указ. соч., стр. 359; ГАТот, ф. 47, св. 177, д. 2370, л. 310.

⁴⁹ ЦГАДА, ф. 1467, оп. 1, д. 14, л. 14.

⁵⁰ А. А. Кондрашенков. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье XVIII в., Курган, 1962, стр. 24.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 24, д. 35, л. 144.

⁵² Из другого документа выясняется, что Краюхин одновременно выполнял казенный подряд на 1522 пуда муки для Меркушинского погоста. Этот богатый крестьянин, для которого официальное положение «ясачного» было только удобной ширмой, скрывавшей крупное хозяйство, имел свою мельницу (там же, д. 3, лл. 1—4).

⁵³ Там же, л. 60б.

⁵⁴ Там же, д. 14, л. 88.

Винокуренные заводы на хлебном рынке Зауралья выступали конкурентами казны, способствуя повышению цен. В этой сфере сбыта хлеба тоже прослеживается борьба двух тенденций: стремление властей навязать регламентированные цены и феодальное право очередности в рыночных операциях, с одной стороны, и стихия ничем не ограничиваемых товарно-денежных отношений, с другой. Но, в отличие от металлургической промышленности Сибири, где носителем политики феодального государства являлась сама администрация завода, в винокурении, где заводы принадлежали частным лицам, за свободу торговли и соответственно цен выступали не только крестьяне и скупщики, но и заводчики.

В договоры с заводчиками на поставку вина в казну вставлялся обычно пункт о том, «чтоб выше торговых и казенных цен во оные заводы хлеба не покупать и оные цены не возвышать»⁵⁵. Владельцы винокуренных заводов, в свою очередь, в обращениях к центральным и местным властям жаловались на это ограничение, как на препятствие для регулярных заготовок сырья. В 1767 г. они указывали Сибирской губернской канцелярии, что из-за строгого соблюдения в прошлом году запрета не закуплен хлеб для выкурки вина в 1768 г. и просили разрешить свободную закупку. В ответ губернское начальство постановило «покупку провианта чинить... по вольным ценам и ставить на заводы по договорам с продавцами и в том препятствовать никому не должно...»⁵⁶. Это был урожайный год. И тем не менее закупки винокуренных заводов подняли цены на хлеб и вызвали затруднения агентов казны, которые были связаны в своих действиях предельной разрешенной выше ценой. В Туринске почти совсем остановилась закупка провианта и фуража в казенные магазины. «Обыватели, слыша, что на винокуренные заводы хлеб закупают, весьма большую часть везут на заводы, а в казну мало привозят, ожидая на хлеб высоких цен, а иные отдадут свой хлеб в разные места для продажи в руки партикулярных закупщиков, кои у заводчиков подрядились ставят хлеб». В результате снова было запрещено перекупщикам и заводчикам покупать хлеб у крестьян, пока не будут пополнены казенные запасы⁵⁷.

Районы, имевшие избыточный хлеб, кормили население северных уездов, где земледелие было недостаточно развито или совсем невозможно в силу климатических условий. Уже для XVII в. В. И. Шунковым установлено, что «население Нарыма и приказная изба обычно покупали хлеб в Томске, а служилые люди получали его из присланных Тобольском четей». Кетск тоже не обходился в XVII в. без покупки хлеба в Томске. Но «томский хлебный рынок... плохо обеспечивал жизнь беспашенного человека». Большими возможностями располагал в XVII в. хлебопроизводящий Верхотурско-Тобольский район, который снабжал бесхлебные города (Березов, Мангазею и др.), но тоже в ограниченном размере⁵⁸.

С расширением пашни в XVIII в. положение меняется. Современники подчеркивали вывоз из пашенных уездов в бесхлебные как важное направление сбыта хлебных излишков. И. П. Фальк писал о хлебопашках Томского уезда: «Они сеют хлеб выше их потребностей и отпускают его в Колыванские заводы, а особливо в холодные страны Нижней Оби, Нарыма, Сургу́та, Березова и пр.» (подчеркнуто мною.—М. Г.). А. Щекатов, характеризуя земледелие Причулымья, тоже отметил вывоз хлеба в «Сургут, Нарым и прочие бесхлебные стороны»⁵⁹. По мере роста контактов коренных жителей

⁵⁵ ЦГАДА, д. 1467, оп. 1, д. 14, л. 14.

⁵⁶ Там же, лл. 14об.—15.

⁵⁷ Там же, л. 88об. См. также л. 146.

⁵⁸ В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век), М., 1956, стр. 58, 77, 254.

⁵⁹ И. П. Фальк Указ, соч., стр. 544; А. Щекатов и Л. М. Максимович. Географический словарь русского государства, СПб., 1801, т. 1, стр. 297—298.

тайги и тундры с русскими употребление первыми хлеба увеличивалось⁶⁰. Если мы ориентировочно примем норму употребления хлеба в северных районах в связи с этническими особенностями по 1 четверти на человека⁶¹, то получим для Березовского, Сургутского и Нарымского уездов общий объем потребления не менее 24—25 тыс. четвертей⁶².

Транспортные сложности делали практически невозможным снабжение дефицитных по хлебу районов Восточной Сибири западносибирским хлебом. Исследование В. Н. Шерстобоева показало, что в течение XVII в. илимский хлеб являлся основой снабжения всего северо-востока Сибири: Якутского края и Дальнего Востока⁶³. Ф. Г. Сафронов, изучив состояние русского земледелия на территории Якутии, подтвердил этот вывод. Такое положение в Якутии сохранялось, согласно выводам Ф. Г. Сафронова, до самой Октябрьской революции⁶⁴.

Уже свидетельство Г. Ф. Миллера о продаже на Колывано-Воскресенских заводах в 30—40-х годах хлеба калмыкам⁶⁵ указывает на новый самостоятельный канал сбыта западносибирского товарного хлеба в XVIII в. Этот путь сбыта представляет особенный интерес, так как он означал выход за пределы Сибири, снабжение продукцией сибирского хлебопашества южных соседей — скотоводов. Позднее местом торговли с южными соседями становятся иртышские крепости (Ямышевская, Семипалатинская, Петропавловская)⁶⁶.

В октябре 1759 г. влиятельный султан Среднего Жуза Аблай писал командиру Уйской военной линии полковнику П. Родену: «Прошу ж я и народ мой, чтоб дозволить в крепости святого Петра киргисцам выменивать муку и крупу»⁶⁷. В 1761 г. представителям Аблай-султана, его родственникам и приближенным было отпущено в Петропавловской крепости 537 пудов хлеба. Такое же количество муки и круп им отпускали ежегодно в 1762—1764 гг.⁶⁸. Коллегия иностранных дел положительно относилась к «выпуску за границу с тамошней стороны хлеба к азиатцам». В 1763 г. по поводу хлебной торговли на Уйской дистанции в Коллегии писали: «...азиатцы, кои пред сим только мясом и молоком питались, ныне довольно и хлеба покупать начинают и что через хлеб скорее с той стороны сыщется польза, нежели через все другие способы»⁶⁹.

Контроль властей и таможи мешали свободному развитию хлебной торговли в этих центрах. Поэтому крестьяне пограничных районов непосредственно вступали в торговые сношения с соседями, вопреки многочисленным запретам. Документы Бийской судной избы показывают, что крестьяне, селившиеся по Бие, от которых «волости каракосские не далее как в 50 верстах», торговали с калмыками и «каракоссами»⁷⁰. Повторяющиеся запреты и угрозы Колывано-Воскресенского горного начальства свидетельствуют о том, что это явление было

⁶⁰ «Народы Сибири», М.—Л., 1956, стр. 582, 668, 691, 716, 717.

⁶¹ О пище коренных народов нижней Оби в это время см. у В. Ф. Зуева, посетившего Березовский уезд в 1771—1772 гг. («Материалы по этнографии Сибири XVIII в.», М., 1947, стр. 36—38).

⁶² О количестве населения в Березовском уезде в 40—60-х и 80-х годах (и местного и русского) см. ЦГАДА, ф. 24, д. 5, л. 131; д. 60, ч. I, лл. 180—200. Для Сургута и Нарыма с Кетском взяты данные IV ревизии.

⁶³ В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. II, Иркутск, 1957, стр. 289—302 и др.

⁶⁴ Ф. Г. Сафронов. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX вв.), Якутск, 1961, стр. 318, и др.

⁶⁵ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, д. 183, л. 20; оп. 2, д. 9, л. 33.

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 4270 (Бийская крепость), оп. I, ч. II, д. 5а, лл. 359—359об., 437; там же, оп. I, ч. I, д. 4, лл. 225—226об.; д. 5, лл. 320—321.

⁶⁷ «Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках», Алма-Ата, 1961, стр. 602.

⁶⁸ Там же, стр. 675, 679.

⁶⁹ Там же, стр. 678.

⁷⁰ По-видимому, имеются в виду карагассы.

постоянным⁷¹. В силу контрабандного характера этой торговли объем ее не поддается даже ориентировочному учету, тем не менее можно с уверенностью говорить о наличии выхода западносибирских хлебных излишков за пределы страны.

Мы рассмотрели основные направления сбыта излишков, которые давало западносибирское хлебопашество в 30—80-х годах XVIII в. Сколько в целом хлеба шло на тех потребителей, которые поддаются ориентировочному учету? Относительно горных заводов и рудников мы установили для конца 80-х годов (когда идущий на заводы хлеб был бесспорно товарным) примерный объем потребления в 85 700 четвертей. Снабжение войска составляло не менее 164 тыс. четв. (эта цифра была выведена нами для середины 40-х годов; в 80-х она могла быть большей, но не меньшей). Винокурение поглощало не менее 56 тыс. четв. товарного хлеба уже в конце 60-х годов. Если прибавить к этому 25 тыс. четв. как минимальный объем хлеба, потреблявшегося в северных беспашенных районах, то мы получим 330—700 четвертей. В этом расчете не учтены: 1. товарный хлеб, который приобретала часть городского и сельского населения Западной Сибири (кроме заводских поселков), не имевшая своей пашни; 2. выход хлеба за южную границу; 3. выход хлеба на Урал. Та часть товарного хлеба, которую удается ориентировочно учесть, составляла 12% от валового сбора 1788 г. Следовательно, в это время товарный хлеб Западной Сибири при среднем урожае составлял не менее 12% от валового сбора.

Рассматривая разные каналы сбыта хлеба, мы сталкивались всюду с деятельностью скупщиков — богатых крестьян или купцов; особенно возросла их роль в 60—80-х годах.

Любопытные сведения о роли скупщиков в городской хлебной торговле содержат ведомости о ценах, которые представлялись Верхотурской ратушей в уездное комиссарство. Ведомости составлялись еженедельно, и за 1767 г. мы имеем возможность проследить все месяцы полностью⁷². Ратуша давала две шкалы цен: одни цены «в базаре», другие — «в лавках у скупщиков». Ведомости отражают цены на рожь, ячмень, овес и муку (ржаную, пшеничную и ячменную). В конце весны, в мае цены на хлеб становились особенно высокими. В этом месяце и зерно, и мука продавались только в лавках скупщиков — на базаре они почти совсем отсутствовали. Скупщики диктовали цену. В предыдущие месяцы они придерживали товар, выжидали: с ноября до конца апреля почти не торговали, а только закупали хлеб; исключение представляла лишь только дорогостоящая пшеничная мука. В этот период невысоких цен зерном и мукой торговали крестьяне на базаре. В июне — сентябре довольно устойчиво держались относительно высокие цены, и на рынке преобладал скупщик, удерживая максимальную цену. Скупщики использовали не только сезонную разницу в ценах, но и территориальную, играя на невозможности для большинства крестьян самостоятельно доставить хлеб в город из мест, где не было сбыта. Крупные скупщики брали казенные подряды на поставки хлеба. В сфере хлебной торговли, как и в других отраслях экономики, носители первоначального накопления капитала приспособились к условиям феодального государства, использовали некоторые его функции в своих интересах.

Тобольские купцы Дмитрий Постников и Василий Кашин в 1771 г. в Комиссии генерал-провиантмейстера Сибирского корпуса подрядились «поставить нынешним летом и будущей зимою... собственной их муки каждой по десяти тысяч четвертей». В Тюменскую и Туринскую воеводские канцелярии и Верхотурское комиссарство были разсланы

⁷¹ ЦГАДА, ф. 4270, оп. 1, ч. II, д. 6, лл. 596—596об., 652.

⁷² ЦГАДА, ф. 1467, оп. 1, д. 23, лл. 106.— 58.

указы о том, чтобы этим «провиантским подрядчикам» не чинили препятствий в покупке хлеба. Кашин имел в центрах уездов, где скупал хлеб, своих прикащиков⁷³. Василий Кашин и Дмитрий Постников, обратившие свои капиталы в хлебную торговлю и бравшие крупные казенные поставки, не были одиноки среди тобольского купечества. Аналогичный контракт был заключен в 1771 г. с тобольскими купцами Василием Корнильевым и Михаилом Пушкаревым, которые брались в течение четырех лет поставлять «в тобольские магазейны собственного их провианта в их рогожных кулях и всем их коштом». Корнильев — ежегодно по 12 500 четвертей ржаной муки, а Пушкарев — по 1000 четвертей ячной крупы. Им разрешалось беспрепятственно покупать хлеб в городах Тюмени, Таре и их уездах, а также в Ялуторовском и Краснослободском дистриктах. Корнильеву было разрешено построить на местах скупки свои «магазейны». В контракте указывалось, что оба купца могут нанимать вольных работников для перевозки товара и постройки судов⁷⁴. Из документов, связанных с Кашиным, Корнильевым и другими, видно, каких значительных для своего времени масштабов достигает деятельность некоторых скупщиков в хлебной торговле Западной Сибири.

В заключение обзора сбыта хлеба остановимся на ценах на хлебные продукты. Рассмотрим этот вопрос в двух аспектах: изменение цен во времени — на протяжении рассматриваемого периода — и состояние цен в разных районах в одно и то же время.

Ведомости Тюменской воеводской канцелярии за 1725, 1727 и 1728 гг. детально рисуют состояние цен на продукты земледелия в Тюмени⁷⁵. Цены на основные хлебные культуры на тюменском рынке были невысокими: в среднем 20 коп. четверть ржи и 10—17 коп. — овса. В это же время в Илимском уезде рожь стоила (низшая цена) 13,2 копейки за пуд⁷⁶, т. е. около 1 руб. 6 коп. за четверть. Следовательно, в Тюменском уезде хлеб был в пять с лишним раз дешевле, чем в Восточной Сибири. На московском хлебном рынке в 1723—1728 гг. средняя цена ржи колебалась от 83 коп. до 1 руб. 72 коп. (неурожайный год) за четверть⁷⁷, т. е. на Тюменском рынке хлеб был в четыре раза дешевле даже по сравнению с благоприятным по урожайности годом в Европейской России. Такая разница в ценах свидетельствует о слабости связей между районами.

В последующий период тюменский рынок в частности и весь хлебный рынок Западной Сибири в целом переживает общее для России XVIII в. явление — рост цен на сельскохозяйственные продукты. Особенно заметным это явление становится с 60-х годов. В 1765 г. четверть ржи стоила в Тюмени 1 руб.⁷⁸ Средняя цена с 1760 г. по 1762 г. составляла в Тюменском уезде за пуд ржаной муки — 13 коп., пшеничной — 21 коп., гречневой крупы — 24 коп.⁷⁹ Сведения воеводской канцелярии и академика-путешественника о ценах на тюменском рынке совпадают и показывают, что по сравнению с концом 20-х годов цена на основной вид хлеба — рожь выросла в 3—3,5 раза. На пшеницу и гречиху цены увеличились в меньшей степени, так как за это время вырос удельный вес этих культур.

В «Записке о сибирском хлебопашестве» Ф. Соймонов связывал рост цен на хлеб от 5 до 15 коп. с наводнением 1761 г.⁸⁰ Последующие

⁷³ ЦГАДА, ф. 1467, оп. 1, д. 151, л. 432; д. 156, л. 379—379об.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 1467, оп. 1, д. 151, л. 35.

⁷⁵ ГАТОН. ф. 47, оп. 1, св. 47, д. 754, лл. 1—2; св. 35, д. 621, лл. 2—5об.

⁷⁶ В. Н. Шерстобоев. Указ. соч., т. II, стр. 312.

⁷⁷ Б. Б. Кафенгауз. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в., М., 1958, стр. 258.

⁷⁸ ГАТОН, ф. 47, св. 219, л. 2723, л. 1.

⁷⁹ И. П. Фальк. Указ. соч., стр. 347.

⁸⁰ ЦГАДА, ф. 24, д. 35, л. 65.

годы показали, что дело было не в стихийном бедствии. Цены упорно ползли вверх. Д. И. Чичерин докладывал в 1765 г. Екатерине, что «ныне уже три года цена аржаной муки поднялась от 5-ти до 17 коп. пуд, овес от 30-ти до 50 коп. четверть»⁸¹. Губернатор руководствовался ценами тобольского хлебного рынка, которые отражали в значительной мере состояние дел в Западной Сибири в целом.

Рост хлебных цен во второй половине XVIII в. прослеживается и по материалам юго-восточного района, причем даже наиболее хлебной его части. По сведениям Фалька, в Барнауле в 1771 г. пуд ржаной муки стоил 9 и 10 коп., пшеничной — 20—25 коп.⁸² В 1788 г. в указе Колыванской горной экспедиции о закупках хлеба отмечается, что в предыдущие годы в ближних заводах пуд ржаной муки стоил 18—20 коп., а в дальних — 30 коп. В 1799 г. в Барнауле пуд ржаной муки стоил от 20 до 36 коп., пшеничной — от 30 до 56 коп.⁸³ Следовательно, с начала 70-х до конца 90-х годов цены на хлеб выросли тут в 2—3 раза.

Явление роста цен не может быть, по-видимому, объяснено только падением курса рубля, т. к. хронологические рамки и размеры двух процессов не совпадают. Вопрос нуждается в специальном исследовании. Обращает на себя внимание одновременность увеличения цен и роста спроса на хлеб в Западной Сибири. Об этом свидетельствуют жалобы чиновников, занимавшихся обеспечением продовольствия для армии или заводов, на то, что цены вздуваются из-за конкурентов.

К 60-м годам общее экономическое развитие Западной Сибири приводит к появлению ряда факторов, увеличивших спрос на хлеб. После отмены в 1762 г. десятинной пашни и натурального оброка государство становится покупателем хлеба. Потребность же в продовольствии на «казенные нужды» увеличивается в связи со строительством новых укрепленных линий, ростом контингента войск в крепостях и форпостах, защищающих новые территории на юге. Одновременно увеличивается спрос на хлеб в связи с ростом производства горной и металлургической промышленности и увеличением числа той части занятых в ней работников, которая была оторвана от земли. В самих деревнях после замены натурального оброка денежным увеличивается количество населения, занятого неземледельческими промыслами. Все эти факторы увеличивают спрос на хлеб в Западной Сибири и вызывают рост цен, а последний стимулирует товаризацию сельского хозяйства.

Наши данные о росте земледельческого производства в Западной Сибири во второй половине XVIII в. и об одновременном росте цен на хлебные продукты подтверждают высказанную Н. Л. Рубинштейном мысль о том, что рост цен нельзя связывать с упадком, кризисом сельского хозяйства⁸⁴.

Сопоставление цен по разным уездам Западной Сибири за одни и те же годы⁸⁵ показывает, что в пределах региона цены были довольно близкими во всех пашенных районах, хотя и не совпадали полностью. Так, в конце 60-х — начале 70-х годов средняя цена ржаной муки была в Барнауле и Томске — 9,5 коп., в Кузнецке — 8 коп., Тюмени — 13 коп.; пшеничной муки в Барнауле — 23, Томске — 20, Тобольске — 22, Верхотурье — 22, Тюмени и Таре — 21 коп. Это говорит о наличии связей, о существовании общего для всей территории хлебного рынка.

⁸¹ Там же, ф. 10 (кабинет Екатерины II), оп. 3, д. 193, л. 2.

⁸² И. Н. Фальк. Указ. соч., стр. 499.

⁸³ ГАНО, ф. 13, оп. 1, д. 2, л. 268; ГААК, ф. 1, оп. 2, д. 151, лл. 360—362.

⁸⁴ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в., стр. 415—416.

⁸⁵ И. П. Фальк. Указ. соч., стр. 328, 347, 385, 401, 499, 529, 543; ЦГАДА, ф. 1467, оп. 1, д. 23, лл. 106—58 (ведомости Верхотурской ратуши).

Суммируем изложенное. На значительной площади освоенных под пашню земель в Западной Сибири хлебопашество достигает довольно высокого для периода позднего феодализма уровня. Средний по урожайности год давал к концу 80-х годов XVII в. 2,5 миллиона четвертей хлеба. В отдельных хлебных районах высок был процент избыточного продукта. Но не весь избыточный хлеб становился товарным в Сибири XVIII в. Помимо того, что часть его оседала в крестьянском хозяйстве в качестве гарантии на случай неурожая, условия окраины феодального государства мешали превращению избыточного сельскохозяйственного продукта в товар. Сдвиги в земледельческом освоении края несли с собой возможности, которые не могли быть полностью реализованы.

Тем не менее внутри Западной Сибири формируется значительный хлебный рынок. Потребителями товарного хлеба были содержащееся в Западной Сибири войско, Колывано-Воскресенские рудники и заводы, население городов и деревень, занятое неземледельческими промыслами, винокуренная промышленность, использовавшая хлеб в качестве сырья, беспашенные и малопашенные районы севера. Состояние цен свидетельствует о наличии известного единства рынка в пределах региона. Вне его осуществляется продажа хлеба на Урал и южным соседям — кочевникам-скотоводам.

60-е годы явились переломным моментом в создании более благоприятных условий для развития товарности сельского хозяйства Западной Сибири. С прекращением поступлений оброчного хлеба и урожая десятинной пашни пополнение казенных запасов продовольствия идет целиком за счет товарного хлеба. Казенные поставки становятся важным источником обогащения скупщиков хлеба из зажиточных крестьян и купцов. Отмена отработочных и натуральных повинностей способствовала развитию товарности земледелия не только в том смысле, что государство теперь больше обращалось к рынку. Часть крестьян переходит целиком на неземледельческие промыслы, расширяя круг потребителей хлеба.

Почти одновременно происходит секуляризация церковных земель, способствовавшая развитию хозяйства монастырских крестьян, ставших экономическими, и уничтожившая наиболее отсталые формы феодальной эксплуатации на территории Сибири. В 60-х же годах обеспечивается безопасное распространение хлебопашества на юг, в связи с завершением строительства новой линии укреплений, протянувшейся от Уя до Енисея. Развитие горнодобывающей и металлургической промышленности делает к этому времени заводские поселки заметными потребителями хлеба. Неслучайно именно со второй половины 60-х годов темп роста пашенных земель обгоняет рост населения Западной Сибири.

Указанные явления развиваются в Западной Сибири в связи с социально-экономическими процессами, происходившими в стране в целом. Последнее тридцатилетие XVIII в. отмечено для России существенными сдвигами в развитии капиталистических отношений⁸⁶. Наметившийся в 60-х годах на зауральской окраине перелом в товаризации сельского хозяйства был одним из проявлений общего хода экономического развития.

⁸⁶ В. К. Яцунский. Основные этапы генезиса капитализма в России. «История СССР», 1958, № 5, стр. 73—77.